

УДК-172.3

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-1-55-64

**«ТРАДИЦИОННЫЕ» И «НЕТРАДИЦИОННЫЕ» РЕЛИГИИ:
ВОПРОСЫ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ В СИСТЕМЕ
ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

*К. Г. Соколовский*¹

В статье рассматриваются особенности системы государственно-конфессиональных отношений Республики Казахстан. Показаны особенности конфессионального поля, положение ислама и православия как ключевых религий, а также принципы взаимодействия государства с действующими в стране деноминациями. В данном контексте проанализирована специфика «традиционной» и «нетрадиционной» религиозности, критерии её разграничения, характер взаимоотношений с государством и перспективы дальнейшего развития диалога религий.

Ключевые слова: Казахстан; государственно-конфессиональные отношения; религия; традиционная религия; нетрадиционная религиозность; религиозная самоидентификация.

Уникальность конфессионального поля Республики Казахстан заключается в высокой полиэтничности населения и, как следствие, широкой палитре представленных в стране религий. Итоги последней переписи населения показали, что в Казахстане проживают представители 125 национальностей, исповедующие 46 религий [5, 20]. При этом 70,2% граждан отождествляют себя с исламом, а 26,3% считают себя православными [5, 25].

Характерно, что за прошедшие с момента распада Союза ССР годы в республике не было отмечено ни одного значимого конфликта на религиозной почве, что позволяет судить об эффективности проводимой государством политики и позитивном опыте мирного сосуществования религий. Вообще на территории современного Казахстана ключевые конфессии – ханафитский масхаб ислама и православие – представлены ориентировочно с первой половины V в. [13, 145]. Это свидетельствует об их бесконфликтном

¹ Соколовский Константин Геннадьевич – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры общеобразовательных и технических дисциплин Гуманитарно-технической академии (Казахстан), член Конгресса религиоведов Казахстана. E-mail: k_sokolovskiy@fastmail.com.

взаимодействии на протяжении нескольких сотен лет, практике успешного диалога, толерантности, веротерпимости и, как показывают современные этнографические изыскания, инкультурации.

В то же время к 2010 г. стала очевидной необходимость кардинальной смены выстраивавшейся с момента обретения независимости системы государственно-конфессиональных отношений. Реформы начала 1990-х гг. в области свободы совести исходили из того, что религия является исключительно частным делом верующих, и государство не просто не вмешивается, но и *de facto* полностью дистанцируется от названной сферы общественных отношений. Слабая осведомлённость постсоветских граждан в вопросах веры на фоне дрящущегося экономического кризиса транзитного периода, духовного вакуума, пронизывавшего общество ощущения смыслоутраты, кризиса самоидентификации, «разорванного сознания» (в трактовке Бахтина) и активного поиска референтных групп создали условия некритичного восприятия экспансии религиозности, беспрецедентно активной проповеднической деятельности иностранных миссионеров. Данный период в казахстанском обществоведении традиционно характеризуется как кризисный. Е. Е. Бурова и Е. У. Байдаров справедливо замечают, что «практически отсутствовавший контроль со стороны государства... привёл к тому, что религиозные организации (в 1990-х гг. – К. С.) начинают умножаться и развиваться. Ситуация была пущена на самотёк...» [1, 12].

Рост числа адептов деструктивных сект и культов (прежде всего, исламской, христианской направленности), а также проникновение в Казахстан религиозной экстремистской идеологии стали причинами, побудившими власть начать выстраивание новой архитектуры государственно-конфессиональных отношений. Уже в 2011 г. был принят Закон «О религиозной деятельности и религиозных объединениях», ставший для Казахстана в некотором смысле революционным и позволивший упорядочить деятельность многочисленных религиозных общин. Фактически он сыграл роль нормативного выражения новой концепции отечественной модели межрелигиозного согласия, отрефлексирав реакцию общества на сложившуюся к тому моменту ситуацию с массовым распространением нетрадиционных движений. Социально-политический контекст общественного развития был перенесён в правовую плоскость, зафиксировав исторически традиционное для Казахстана и понятное государству *status quo*: при безусловном равенстве всех конфессий, конституционно закреплённом праве граждан исповедовать любую религию и отправлять желаемые религиозные обряды, несущей осью государственно-конфессиональных отношений выступают наиболее крупные духовные традиции – ислам и православие, по существу принявшие на себя ответственность за сохранение в стране межрелигиозной стабильности, мира и согласия. Остальные религии, не будучи ущемлёнными в правах, свободно действуют уже на этом базисе, взаимодействуя по своему усмотрению как

друг с другом, так и с государством. Такая схема оказалась действенной для поддержания межрелигиозного согласия в полиэтническом и многоконфессиональном Казахстане. При этом, по оценке видного политолога А.Г. Косиченко, «описанное взаимодействие не является статичным, заданным раз и навсегда: это, скорее, динамичная система, постоянно воспроизводящая и изменяющаяся в меняющихся условиях прогрессивного развития Казахстана» [6, 182].

Данный закон предполагал также обязательную перерегистрацию всех религиозных организаций Казахстана. Её итоги характеризуют ситуацию в целом: если к 2011 г. действовало 4 551 религиозное объединение, представляющее 46 конфессий и деноминаций, то после перерегистрации продолжили свою деятельность 3 088 религиозных объединений, представляющих 17 конфессий [14]. В их числе – 2 228 входящих в структуру Духовного управления мусульман Казахстана исламских общины, 271 общественное объединение, представляющее Русскую православную церковь (Московский патриархат), 79 католических приходов, 4 иудейских, 2 буддистских объединения, а также 462 протестантских церкви. Заметим здесь, что ряд религиозных общественных объединений не были перерегистрированы ввиду добровольного отказа от прохождения данной процедуры. Например, исходя из собственных вероучительных установок, соответствующие документы не представили общины Совета церквей евангельских христиан-баптистов, а также Адвентистов седьмого дня.

Если мы обратимся к упомянутому Закону «О религиозной деятельности...», то в его преамбуле констатируется, что Республика Казахстан «признаёт историческую роль *ислама ханафитского направления и православного христианства* в развитии культуры и духовной жизни народа, уважает другие религии, сочетающиеся с духовным наследием народа Казахстана» [12]. Следует отметить, что декларируемый приоритет взаимоотношений государства с исламом и православием получает неоднозначные оценки со стороны ряда правозащитных организаций. Согласимся, что в такой формулировке преамбулы, безусловно, прослеживается инерция советской системы государственно-церковных отношений, предполагающей определение некоего идеологического (направляющего) фарватера в сферах общественной жизни с участием государства. С другой стороны, нужно понимать, что в Казахстане именно ислам и православие выражают духовные интересы (чаяния, запросы, настроения) более 90% верующего населения, и для государства очевидно невозможно игнорировать данное обстоятельство, выстраивая, в первую очередь, взаимодействие с названными конфессиями.

Здесь можно провести параллели с системой государственно-конфессиональных отношений России. А. А. Белькова для её пояснения использует

принцип условного договора («контракта»), на практике означающего, что «государство как агент получает лояльность и готовность религиозных организаций участвовать в мероприятиях, составляющих религиозную политику. Традиционные религиозные организации, в свою очередь, получают поддержку государства, возможность влиять на решения, принимаемые и законодательной, и исполнительной властью, а также некоторые материальные выгоды» [3, 149].

Обращают на себя внимание в связи с этой полемикой взгляды профессора политологии Университета Вашингтона Э. Джилла. В монографии «Политические истоки религиозной свободы» он предпринимает попытку обосновать необходимость участия государства в управлении религиозной сферой (что, разумеется, означает вторжение в область абсолюта свободы совести). Однако в качестве точки отсчёта американский исследователь принимает допущения об исключительной значимости религии как носителя культурной идентичности, а также высокой степени потенциальной конфликтности при взаимодействии религиозных организаций в поликонфессиональном обществе [16, 47], что в интересах общества же не может быть оставлено без внимания Правительства.

Для настоящей работы процитированная часть преамбулы Закона важна ещё тем, что, как представляется, именно здесь законодатель фактически устанавливает критерии «традиционности» той или иной религиозной традиции, задающих вектор её взаимоотношений с официальной властью. Тем самым задаётся ориентир на поддержку ценностей, проповедуемых исламом и христианством, то есть, тех, которые принято называть гуманистическими, общечеловеческими, традиционными, нравственными, консервативными – «символическими истинами», как их охарактеризовал Ф. фон Хайек [15]. С другой стороны, данная норма не означает дискриминацию иных конфессий либо исключительный приоритет ислама и православия, даже в сравнении с прошедшими регистрацию нетрадиционными религиями, чьи права обычно и являются предметом особого внимания правозащитников.

Нельзя не отметить, что за последние годы в отношении НРД у населения сформировались уверенные негативные и нейтрально-негативные образы. Особенно это касается религиозных организаций, проповедующих «чистое» прочтение ислама, а также взгляды, расцениваемые РПЦ (МП) как сектантские. Так, исследования профессора Д. Нама из Университета Среднего Запада (США) показали консервативный настрой казахстанцев и достаточно критичное отношение населения к ним. Более того, социологические замеры явно обозначают запрос общества на ограничение государством деятельности нетрадиционных религий [9]. К аналогичным выводам приходит и отечественный исследователь Е. Ж. Назарбаев [7].

Несмотря на это, Закон избегает таких терминов, как «тоталитарная секта», «новые религиозные движения», «культы», «деструктивные духовные практики» и др., которые могут нести нежелательную для самих организаций оценочную характеристику, негативную смысловую нагрузку. В этой связи закономерен вопрос: какие религии «традиционные», а какие «нетрадиционные»? Традиционными принято считать ханафитский мазхаб суннитского ислама и православное христианство. Кроме того, к данной категории можно отнести узнаваемые для жителей страны конфессии, исповедуемые, как правило, значимыми по численности этническими общностями – католицизм, иудаизм, буддизм, отчасти протестантизм. Критерии здесь понятны – «этничность» религии, её укоренённость в культуре того или иного народа; длительный период присутствия на территории современного Казахстана; проповедь общечеловеческих идеалов; консервативность учения, его узнаваемость и позитивное восприятие населением; отказ от противопоставления общины государству, охраняемым им ценностям и проводимой идеологии. В общих чертах, традиционные религии – это, согласимся с предложенным С. Б. Васильевой определением, «религиозные комплексы, сохранившиеся на протяжении длительного времени и передающиеся последующим поколениям на определенной территории, среди определенного этноса и общности людей» [4, 5].

В свою очередь, определение критериев нетрадиционных религий в современной науке, как известно, является дискуссионным и широко обсуждаемым вопросом. Заметим здесь, что расширение либо, напротив, рестрикция круга таковых, думается, нередко зависит также от степени ортодоксальности самого исследователя. Крупнейший британский специалист в области нетрадиционных религий А. Баркер, дополняя профессора Б. Вильсона, называет следующие характерные для них черты: «экзотическое происхождение; новый культурный стиль жизни; степень вовлечённости в движение, значительно отличающаяся от степени вовлечённости в жизнь традиционной деноминации; харизматический лидер; последователи – преимущественно молодые люди из образованных и обеспеченных слоев общества; необычность, привлекающая общественное внимание; деятельность на международном уровне; время возникновения – последние полтора десятилетия» [2, 5]. Исходя из опыта Казахстана, можно дополнить данный перечень отсутствием культурно-генетической связи нетрадиционных религий с той или иной национальной общностью, непродолжительный период присутствия на конфессиональном поле, а также активное привлечение адептов за счёт агрессивной миссионерской деятельности. Наряду с этим отметим, что получивший широкое распространение такой критерий, как малая численность адептов, не показывает себя в достаточной степени релевантным, поскольку многие не-

традиционные религии (например, салафиты, Свидетели Иеговы и др.) имеют именно значительное количество последователей.

В целом, согласимся с В.К. Трофимчуком, который следующим образом разграничил традиционные и нетрадиционные религии: «Под традиционными религиями мы понимаем религиозные образования, сохраняющиеся на протяжении длительного времени и передающиеся последующим поколениям на определенной территории, среди определенного этноса или общности людей. Они возрождаются и развиваются в рамках их этнических или государственных границ. Традиционные религии глубоко укоренены в быту, системе праздников и обрядов, мифологии, типе и способе мышления, культуре, психологии. Под «нетрадиционными религиями» подразумеваются религиозные комплексы, которые исторически не унаследованы от прошедших эпох определенным этносом, не свойственны его религиозной духовности, не укоренились в быту, культуре, а распространились в результате миссионерской деятельности проповедников с их исторической родины или созданы отдельной личностью» [11, 18].

В то же время, представляется важным рассматривать критерий «традиционности-нетрадиционности» не только в контексте национально-территориальных характеристик, но и культурно-исторической значимости конкретной деноминации. Например, христианство будет признаваться традиционной религией не только в Европе, но и в Центральной Азии, равно как и ислам – в Латинской Америке. В то же время, объединяющая по разным данным до 15 млн последователей появившаяся в США Церковь Иисуса Христа последних дней (мормоны) в подавляющем большинстве стран мира будет рассматриваться как нетрадиционная религия.

В программном Послании Президента народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050» – новый политический курс состоявшегося государства», определивший стратегию развития страны на ближайшие десятилетия, Н.А. Назарбаев, обозначая своё видение религии в XXI в., подчёркивает: «Необходимо жёстко пресекать деятельность нетрадиционных сект и сомнительных псевдорелигиозных течений. Нам нужно усилить профилактику религиозного экстремизма в обществе, особенно в молодёжной среде» [8, 80]. Сказанное, конечно же, относится к религиозным структурам, чья деятельность подрывает духовную безопасность социума. Не вызывает сомнения, что нетрадиционные религии способны дестабилизировать ситуацию и представляют ввиду этого потенциальную угрозу. Кроме того, их активная миссионерская деятельность и распространение духовных учений, чуждых казахстанской мультикультурной палитре, нарушают складывавшееся столетиями межконфессиональное равновесие.

Однако излишние алармистские настроения в отношении таковых всё же представляются контрпродуктивными. Например, итальянские исследова-

тели Ф. Брольо, Ч. Мирабелли и Ф. Онида по результатам проведённых исследований приводят небезынтересную статистику. Так, из 20 000 изученных ими распространённых в Европе нетрадиционных религий только 200 были отнесены ими к «зоне риска» [10, 285].

В Казахстане приверженцы как традиционных, так и зарегистрированных нетрадиционных религий одинаково находятся под защитой Конституции, где в п. 2 ст. 3 закреплено: «Религиозные объединения и граждане Республики Казахстан, иностранцы и лица без гражданства независимо от отношения к религии равны перед законом», а п. 3 этой же статьи провозглашает, что «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Тем самым, все зарегистрированные религиозные организации, исповедующие традиционные и нетрадиционные учения, имеют равные права и обязанности, в равной степени обладают доступом к социальным благам, несут ответственность за совершаемые деяния. Правила просветительской, благотворительной деятельности, строительства культовых зданий и сооружений, порядок государственной регистрации и т.д. также едины для всех конфессий. Тем самым, в Казахстане сформировано общее правовое поле деятельности таковых.

Нетрадиционные религии, в силу объективных причин (небольшая паства, ограниченные финансовые возможности, необходимость экспертизы вероучительных доктрин и т.д.), очевидно, испытывают большие затруднения при прохождении, например, процедуры регистрации. Однако формальности эти понятны и вызваны, прежде всего, необходимостью защиты интересов национальной безопасности, а также здоровья, нравственности, иных прав и свобод граждан Казахстана. К тому же, представителями гражданского сектора в СМИ и на различного рода общественных площадках регулярно, особенно в свете активной вербовочной деятельности, запрещённой в судебном порядке ДАИШ (ИГИЛ) и терактах в различных странах мира, поднимается вопрос ужесточения процедуры регистрации религиозных объединений. Наиболее частое предложение – установление так называемого «ценза присутствия», предполагающего регистрацию только тех общин, для которых территория современного Казахстана является канонической в течение определённого периода времени.

Закреплённая Законом 2011 г. модель государственно-конфессиональных отношений позволяет государству обеспечивать равноправие всех субъектов религиозных отношений, взаимодействовать как с традиционными, так и с нетрадиционными религиозными структурами, организовывать и модерировать межконфессиональный диалог, а также защищать воспринятые казахстанским обществом культурные и духовные ценности. Так или иначе, мирное сосуществование традиционных и нетрадиционных религий и многоконфессиональном обществе возможно лишь на условиях веротерпимости, толерантности и взаимодействия.

Библиографический список

1. Байдаров Е. У., Бурова Е. Е., Косиченко А. Г. Светская модель государства в контексте государственно-конфессиональных отношений в Республике Казахстан // Актуальные вопросы государственно-конфессиональных отношений в Республике Казахстан / отв. ред. З. К. Шаукенова. Алматы: Институт философии и политологии МОН РК, 2012. 72 с. [Baydarov E. U., Burova E. E., Kosichenko A. G. The secular model of the state in the context of state-confessional relations in the Republic of Kazakhstan // Current issues of state-confessional relations in the Republic of Kazakhstan. Ed. by Z.K. Shaukenova. Almaty, Institute of Philosophy, Political Sciences and Religious Studies of Committee Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan Publ., 2012. 72 p.].
2. Баркер А. Новые религиозные движения. Практическое введение. СПб: Изд-во РХГИ, 1997. 282 с. [Barker E. New Religious Movements: A Practical Introduction. St. Petersburg, Russian Christian Institute for the Humanities Publ., 1997. 282 p.].
3. Белькова А. А. Институты государственного регулирования религии в постсоветской Бурятии // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2014. № 1. С. 146–156. [Bel'kova A. A. Institutes of State Regulation of Religion in Post-Soviet Buryatia // Review of Political Science. 2014. No. 1. P. 146-156.].
4. Васильева С. Б. Традиционная и нетрадиционная религиозность в современном мире // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 8. С. 3–8. [Vasil'eva S. B. Traditional and nonconventional religiousness in the modern world // The Buryat State University Bulletin. 2010. No. 8. P. 3-8.].
5. Итоги национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года: аналитический отчет Агентства Республики Казахстан по статистике / отв. ред. А. А. Смаилов Астана: АстанаБланкИздат, 2011. 65 с. [Results of the National Population Census of the Republic of Kazakhstan in 2009. Analytical report of the Agency of the Republic of Kazakhstan on Statistics. Ed. by A. A. Smailov. Astana, AstanaBlankIzdat Publ., 2011. 65 p.].
6. Косиченко А. Г. Религия: сущность и актуальные проблемы. Алматы: Институт философии и политологии МОН РК, 2012. 220 с. [Kosichenko A. G. Religion: the essence and current problems. Almaty, Institute of Philosophy, Political Sciences and Religious Studies of Committee Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan Publ., 2012. 220 p.].
7. Назарбаев Е. Ж. Основные тенденции развития межконфессиональных отношений в современном Казахстане // Сайт «Казахстанского института стратегических исследований». URL: <http://kisi.kz/ru/categories/politicheskaya-modernizaciya/posts/osnovnyye-tendencii-razvitiya-mezhkonfessionalnyh-otnos> (дата обращения: 29.07.2017). [Nazarbayev E. Zh. The main

- tendencies in the development of interfaith relations in the modern Kazakhstan // The site of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies. Available at: <http://kisi.kz/ru/categories/politicheskaya-modernizaciya/posts/osnovnyie-tendencii-razvitiya-mezhkonfessional-nyh-otnos> (accessed 29.07.2017)].
8. Назарбаев Н. А. Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана «Казахстан-2050: Новый политический курс состоявшегося государства». Астана: Институт евразийской интеграции. 2012. 89 с. [*Nazarbayev N. A. State-of-the-Nation Address by President of Kazakhstan "Kazakhstan's way – 2050: Common aim, common interests, common future. Astana, Institute for Eurasian Integration Publ., 2012. 89 p.*].
 9. Нам Д. Новые религиозные движения и их влияние на национальную и государственную идентичность современного Казахстана // Портал правовой информации «Закон». URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30951074#pos=0;0 (дата обращения: 29.07.2017). [*Nam D. New religious movements and their influence on the national and state identity of modern Kazakhstan // Portal of the law information "Law". Available at: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30951074#pos=0;0. (accessed 29.07.2017)*].
 10. Брوليو Ф. М., Мирабелли Ч., Онида Ф. Религии и юридические системы. Введение в сравнительное церковное право. М., 2008. 37 с. [*Broglio F.M., Mirabelli C., Onida F. Religioni e sistemi giuridici. Introduzione al diritto ecclesiastico comparato. Moscow, St. Andrew's Biblical Theological Institute Publ., 2008. 37 p.*].
 11. Новые религиозные культы, движения, организации в России / отв. ред. Н. А. Трофимчук. М., РАГС, 1998. 346 с. [*New religious cults, movements, organizations in Russia. Ed. by N.A. Trofimchuk. Moscow, RANERA Publ., 1998. 346 p.*].
 12. О религиозной деятельности и религиозных объединениях: Закон Республики Казахстан от 11 октября 2011 г. № 483-IV // Портал правовой информации «Закон». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31067690#pos=0;0 (дата обращения: 29.07.2017) [*On religious activities and religious associations. Law of the Republic of Kazakhstan No. 483-IV of 11.10.2011 // Portal of legal information "Law". Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31067690#pos=0;0. (accessed 29.07.2017)*].
 13. Орынбеков М. С. Генезис религиозности в Казахстане. Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2013. 204 с. [*Orynbekov M. S. Genesis of religiosity in Kazakhstan. Almaty, Institute of Philosophy, Political Sciences and Religious Studies of Committee Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan Publ., 2013. 204 p. (accessed 27.07.2017)*].
 14. Сексембаева С. Количество религиозных объединений Казахстана после перерегистрации сократилось более чем на тысячу // Zakon.kz: информационное агентство. 2012. 15 ноября. URL: <http://www.zakon.kz/4524612->

- kolichestvo-religioznykh-obedinenijj.html (дата обращения: 29.07.2017). [Seksembayeva S. After re-registration, the number of religious associations of Kazakhstan has decreased by more than a thousand. // Portal of legal information "Law". Available at: <http://www.zakon.kz/4524612-kolichestvo-religioznykh-obedinenijj.html>. (accessed 29.07.2017)].
15. *Хайек фон Ф.* Пагубная самонадеянность // Библиотека Юрия Павленко. Избранные произведения выдающихся писателей. URL: <http://intelligence.arbat.name/?p=310&page=9> (дата обращения: 29.07.2017). [*Hayek F.* The Fatal Conceit: The Errors of Socialism // The Site "Yuriy Pavlenko's library. Selected works of outstanding writers". Available at: <http://intelligence.arbat.name/?p=310&page=9>. (accessed 29.07.2017)].
16. *Gill A.* The Political Origins of Religious Liberty. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 264 p.

**"TRADITIONAL" AND "NON-TRADITIONAL" RELIGIONS:
POSITIONING IN THE SYSTEM OF STATE-CONFESSIONAL
RELATIONS IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN**

K. G. Sokolovskiy

Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer, Department of General and Technical Disciplines, Humanitarian and Technical Academy, Kazakhstan

The article considers the specific features of the system of state-confessional relations in the Republic of Kazakhstan. It displays the peculiarities of the confessional field, the position of Islam and Orthodoxy as key religions, as well as the principles of interaction of the state with the denominations operating in the country. In this context, the specificity of "traditional" and "non-traditional" religiosity, the criteria for its differentiation, the nature of the relationship with the state, and the prospects for further development of the dialogue of religions are analyzed.

Keywords: Kazakhstan; state-confessional relations; religion; traditional religion; non-traditional religiosity; religious self-identification.